

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Палчаевой Наимы Абдул-Керимовны
на тему: «Правовое регулирование предпринимательской деятельности
с использованием цифровых платформ»
по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки**

Сегодня статистические данные демонстрируют экспоненциальный рост числа цифровых платформ. При этом последствия глобальной платформизации не ограничиваются одной лишь виртуализацией общественных отношений. Выступая катализатором развития международной и национальных экономик, цифровые платформы являют собой еще инеистоящий феномен для права, открывающий ему новые горизонты развития, равно как и ставящий вопросы о правовой природе таких платформ, о платформенном правотворчестве, об оптимальных правовых механизмах организации общественных отношений, возникающих по поводу взаимодействия пользователей с платформами и многое другое.

Поскольку регулирование цифровых платформ находится пока что в зачаточном состоянии, постольку задача найти искомые ответы на обозначенные выше вопросы, и определить подходы к их наиболее эффективному законодательному воплощению, возлагается, в первую очередь, на представителей современной юридической науки. Следует отметить, что в настоящее время к правовой проблематике цифровых платформ обращается значительное количество российских и зарубежных ученых, что свидетельствует как о значимости вопроса, так и об отсутствии единства доктринальных подходов к решению обозначенных выше проблем.

В этой связи представленное диссертационное исследование, посвященное правовому регулированию предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ, несомненно, является актуальным.

Помимо актуальности, работа Наимы Абдул-Керимовны обладает и иными достоинствами.

Так, прежде всего, следует отметить проведенный автором глубокий сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран о цифровых платформах. Диссертант смог выявить основные вехи становления т.н. «платформенного права»: от зарождения до эволюции, обусловленной возникающими потребностями в урегулировании отношений, связанных с использованием цифровых платформ, а также продемонстрировать это в компаративном контексте (параграф 1 Главы 1, параграф 2 Главы 3).

Несомненным достоинством работы является предложенный автором подход к определению правовой сущности цифровой платформы как сложного объекта интеллектуальных прав, а также детального анализа правового режима составляющих такого сложного объекта, их систематизации и градации в зависимости от роли в обеспечении функционирования цифровой платформы (с. 64).

Доктринальной ценностью обладают аргументы автора, высказанные в пользу возмездности отношений по использованию цифровых платформ пользователями-потребителями, равно как и обоснованный диссертантом и отличный от традиционного подход к трактованию встречного предоставления как экономической выгоды (с. 276).

Интерес вызывает произведенная автором систематизация договоров, опосредующих отношения по поводу применения цифровых платформ, а также их юридическая характеристика и выявленные общие конституирующие признаки таких договоров (параграф 3 Главы 2)

Одобрения заслуживает и детальный анализ правового статуса и иных особенностей ключевых субъектов отношений, возникающих по поводу использования цифровых платформ (Параграф 2 Главы 2), а также предложенная автором в результате классификация субъектов платформенных отношений.

Следует отметить, что положения, выносимые на защиту, обоснованны, а выводы, представленные в диссертационном исследовании, являются в целом новыми и достоверными.

Вместе с тем, несмотря на общее положительное впечатление от работы, следует обратить внимание на ряд замечаний и вопросов.

Так, во-первых, положение на защиту № 1 видится не вполне завершенным. Определяя деятельность с использованием цифровых платформ в качестве *особого способа осуществления предпринимательской деятельности*, диссертант перечисляет трех ключевых субъектов такой деятельности, завершая на этом выносимое на защиту положение. Вместе с тем, *особенности* осуществления предпринимательской деятельности в рамках цифровых платформ явно не ограничивается специфическим субъектным составом.

В этой связи возникает вопрос, почему диссертант ограничился описанием ключевых участников такой деятельности, и не раскрыл иных особенностей осуществления предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ? Существуют ли иные особенности осуществления предпринимательской деятельности в рамках цифровых платформ, помимо обозначенных?

Во-вторых, положение на защиту № 2, а также параграф 2 Главы 1 автор посвящает обоснованию принадлежности цифровых платформ к объектам гражданских прав, в частности, их месту в системе результатов интеллектуальной деятельности, делая в итоге вывод о том, что цифровая платформа является сложным объектом интеллектуальных прав.

Вместе с тем, обращение к тексту параграфа 2 Главы 1, посвященного *правовому режиму* цифровых платформ, породил вопрос о том, каков же правовой режим цифровой платформы как сложного объекта интеллектуальных прав? Складывается впечатление, что правовой режим платформы сводится к правовым режимам составляющих его технологий, так как автор уделяет значительное внимание правовым режимам отдельных составляющих цифровой платформы как сложного объекта (искусственному интеллекту, программе для ЭВМ и др.), однако при этом правовому режиму

самого сложного объекта – платформы – уделяется недостаточно внимания. В чем особенности данного правового режима?

В-третьих, в продолжение предыдущего замечания, вызывает вопрос, почему автор, детально исследуя составляющие цифровую платформу технологии (программы для ЭВМ, искусственный интеллект, базы данных), не уделил должного внимания той из них, что в принципе сделала возможным существование цифровых платформ – API-интерфейсы, позволяющие разным приложениям и сервисам «обмениваться» данными и функциями. Вместе с тем, вопрос о правовой природе API также является дискуссионным. В этой связи на публичной защите хотелось бы услышать точку зрения автора о том, что представляет собой API с точки зрения видов результатов интеллектуальной деятельности.

В-четвертых, в положении на защиту № 6 автор предлагает разделение пользователей цифровых платформ на две категории: 1) пользователи-поставщики и 2) пользователи-потребители. В качестве обоснования необходимости такого разделения указываются «установление требований к пользователям и формирование системы прав и обязанностей». На наш взгляд, диссертант не вполне достаточно обосновал научную значимость данного положения. На публичной защите автору следует ответить на вопрос о том, для чего необходимо установить требования и сформировать права и обязанности указанных субъектов, и где следует их закрепить.

В-пятых, представляется спорным утверждение диссертанта о том, «цифровые платформы могут рассматриваться как один из инструментов предпринимательской деятельности, с использованием которого достигаются обозначенные социальные задачи и первоначально задача по обеспечению доверия». Вместе с тем, рассматривая цифровые платформы именно как инструмент предпринимательской деятельности, можно ли говорить о том, что его использование направлено на достижение социальных задач, в том числе, первоочередной – по обеспечению доверия? Не будет ли это противоречить самой предпринимательской сущности цифровых платформ,

которые, как отмечает автор, «стремятся максимизировать общую ценность расширяющейся экосистемы» (с. 47), а опосредующие предпринимательскую деятельность в рамках цифровой платформы соглашения «характеризуется экономической выгодой для всех субъектов платформы» (с. 136).

В-шестых, диссертант отмечает, что участники цифровых платформ «получают дополнительные гарантии добросовестности поведения всех субъектов цифровой платформы, которая обеспечивается путем обязательной идентификации их на платформе (регистрация для доступа к платформе)» (с. 56).

Далее, автор приводит точку зрения «о необходимости закрепить за владельцем агрегатора обязанность осуществлять меры по установлению достоверности предоставляемой продавцами информации (с. 111). Означает ли это, что требования к добросовестности владельца платформы должны быть выше, чем к иным участникам, и может быть, в случае установления такого правила, необходимо будет говорить о сверхдобросовестности владельца цифровых платформ?

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Палчаева Наима Абдул-Керимовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

Доктор юридических наук,
Профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства
Юридического института
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

ГРОМОВА Елизавета Александровна

Контактные данные:

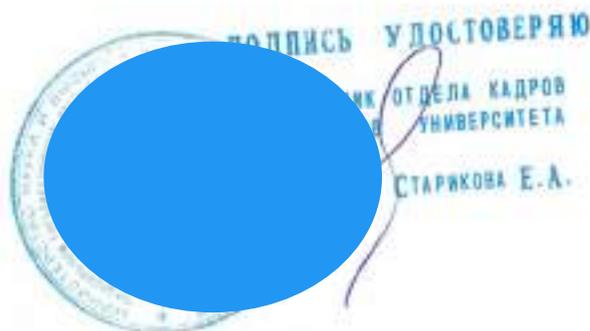
тел.: 7(952)5276855, e-mail: gromovaea@susu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; международное
частное право; семейное право.

Адрес места работы:

454080, Челябинская область, Челябинск, проспект Ленина, д. 76,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)», Юридический институт
Тел.: 272-30-90; e-mail: info@susu.ru

3 марта 2026 года